© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 13, 2009

Александр Филиппов

Механизм консолидации политической элиты: опыт Сирии

Изучение политических элит – важная задача политологии как науки, исследующей отношения, в центре которых находится власть. Однако специфика данной проблематики, зачастую предусматривающей доступ к закрытой информации и затрагивающей основы функционирования политической системы любого общества, обуславливает ее относительно слабую изученность в современной науке. Как и в случае со многими другими политологическими концептами, такими как национализм, революция, социализм и др., зачастую тесно смыкающимися с определенными идеологиями и направлениями, понятие «политическая элита» определяется по-разному. В настоящее время наиболее релевантным, по-видимому, можно считать следующее определение: политическая элита – это группа лиц, удерживающих стратегические позиции и обладающих возможностью регулярно и существенно влиять на политические результаты (Higley & Pakulski, 2007: 7). Несмотря на обилие концепций и еще большее разнообразие теорий, современные исследователи отмечают, что данные теории были сформулированы на основе частных случаев и не охватывают большую часть эмпирического материала (Daloz, 2007: 28). Поэтому нужно с определенной осторожностью относиться к теоретическим построениям в области изучения элит.

Для анализа элит модернизирующихся обществ в советской и российской историографии используется понятие «этакратия» – общность агентов государства, критерием принадлежности к которой является владение государственной собственностью и отправление государственной власти (Буренина, 1993: 8). Советский (ныне российский) исследователь М. А. Чешков даже ввел новое понятие «правящие (политические) и господствующие (экономические) группы (ПГГ)» (Чечиков, 1979: 9), подчеркивая, что функции элиты в развивающихся странах выполняет бюрократия, существующая в рамках авторитарных режимов с доминированием госсобственности. По-существу, речь идет о механизме формирования новой общности людей – политической элиты – в условиях доминирования патронажно-клиентских связей этнического характера и значительной этноконфессиональной разнородности. Основное содержание процесса должно сводиться к подавлению клановой (религиозной, племенной и т.д.) идентичности, очень сильной в тра-

диционных обществах, некой новой идентичностью. В перспективе речь идет о формировании политической нации. Однако этот процесс требует определенного времени, причем для стабильного государственного управления требуется высокая степень солидарности внутри элиты. Отсутствие этой солидарности неизбежно приведет к дезинтеграционным процессам в государстве.

Несмотря на ряд интересных наблюдений, целостная модель формирования групповой солидарности элиты советскими (а ныне и российскими) учеными так и не была выстроена (обзор работ см.: Ашин, 2005). Связано это, на наш взгляд, не только с большим объемом материала, который нужно изучить, чтобы делать надежные заключения общего характера, но и с явной схожестью процессов формирования политической элиты в СССР и в странах Азии и Африки (значительная этноконфессиональная разнородность, построение партийной вертикали, доминирование партийной идеологии как механизма консолидации элиты). В настоящей работе сделана попытка рассмотреть механизм формирования и укрепления солидарности внутри сирийской элиты с особым вниманием к роли идеологии в этом процессе.

В исследованиях элит идеологии уделяется серьезное внимание. Однако, как правило, идеология рассматривается в контексте отношений «элита – массы». Все элитаристские концепции признают, что элита заинтересована в идеологизации и мистификации своей власти над массой (Ашин, 2005: 37). На рубеже XIX–XX вв. активно разрабатывались идеи о поведении толпы и способах манипуляции ею. В частности, описывая приемы управления толпой, Г. Лебон особо подчеркивал ее нерациональность и господство в толпе мифов (Лебон, 2000: 169, 224, 242). Эти идеи были восприняты и активно использовались как либералами, так и фашистами и коммунистами.

При исследовании идеологии тоже, как правило, подчеркивается ее ориентированный на массы характер (The Philosophic Roots...: 5). Акцент делается на нелогичности идеологии, оперирующей понятиями «черное» и «белое», могущей быть радикально измененной, ее принципиальной неполноте и упрощенном восприятии мира (The Philosophic Roots...: 7). Систематические же учения приписываются политической теории или философии (The Philosophic Roots...: 5).

Рассматривая идеологию, исследователи элит отмечают, что она может использоваться не только как механизм управления массами. К числу характеристик элиты относится не только общность интересов, но и ее идеологическая сплоченность (Ашин, 2005: 453; Миллс, 1959: 381). Таким образом, общество предстает пронизанным двойной идеологией: первая связывает элиты с массами, вторая консолидирует саму элиту.

В современной политологии выделяется четыре типа элиты с точки зрения ее сплоченности и дифференцированности: консолидированная элита, идеократическая, неконсолидированная и разделенная (Elites...:

3). Первые два типа характерны для устойчивых политических режимов, третий и четвертый – для неустойчивых. Дифференциация элиты – это степень, в которой элитные группы социально гетерогенны, организационно различны и относительно автономны от государства и друг от друга (Elites...: 2). В большинстве стран Азии и Африки, население которых очень разнородно, дифференциация очень значительна, что по схеме, предложенной Дж. Хигли (J. Higley, также Дж. Хейли), неизменно приводит к неустойчивости политического режима. Однако степень дифференцированности элиты может быть снижена, если доминирующая политическая элита требует, чтобы все остальные элитные группы следовали общей идеологии и принадлежали к партии или движению, ее выражающему (Elites...: 2).

Единство и разобщенность элиты в рамках этой теоретической схемы имеет два измерения: нормативное и интерактивное (Elites...: 2). Нормативное измерение означает степень, в которой членами элиты разделяются убеждения и ценности, а также более специфические формы, большинство из которых носит неформальный или некодифицированный характер (Elites...: 2). Интерактивное измерение означает степень развитости каналов и сетей, через которые члены и группы элиты получают относительно гарантированный доступ к центрам, в которых принимаются основные решения (Elites...: 2). В традиционных обществах, для которых характерна высокая дифференцированность элиты, были выработаны механизмы (как правило, полуофициальные) усиления ее консолидированности, что придавало политической системе относительную устойчивость. Однако колониальное правление зачастую разрушало традиционные политические связи, а пришедшие им на смену фактически опирались на поддержку колонизаторов.

Таким образом, роль и значение внутриэлитной идеологии отличается в каждом конкретном обществе, и тем не менее они могут быть весьма значительны в деле укрепления того или иного режима (Way, 2006: 396).

Естественно, что кроме идеологии существуют и другие средства консолидации элиты. К таковым относятся происхождение, материальные богатства, профессионализм (Ашин, 2005: 156–157). Соответственно, ученые выделяют «элиту крови», «элиту богатства» и «элиту способностей». По существу, в сильно дифференцированных обществах идеология начинает подменять собой эти объективные факторы, создавая новые основания вместо общности крови, богатства и способностей.

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать механизм консолидации элиты и роль в нем идеологии на примере сирийского общества, для которого характерна значительная этническая и конфессиональная разобщенность, усугубляемая господством клановых отношений. Ситуация осложняется тяжелым внешнеполитическим положением страны: поражение в войнах с Израилем, продолжающаяся оккупация Голанских высот, болез-

ненные ливанский и палестинский вопрос, мощное давление со стороны США. Механизм консолидации разнородной сирийской политической элиты и стабилизация внутриполитического положения после прихода к власти партии «Баас» в 1963 г. справедливо вызывает интерес со стороны исследователей. Тот факт, что иракская ветвь партии в 1968–2003 гг. правила в Ираке, имеющем более сложные условия, и была отстранена от власти в результате прямой иностранной интервенции, служит дополнительным указанием, что «Баас» выработала эффективный механизм консолидации разнородной в самом широком плане элиты. Сплоченность элиты наряду с масштабом проникновения государственного аппарата в общество считается основным элементом, обеспечивающим устойчивость автократических режимов (Way, 2006: 393), что придает изучению механизмов ее формирования особую актуальность.

Значительную сложность составляет отделение официальной идеологии, носящей пропагандистский характер, от той, которая реально сложилась внутри правящей элиты и служит для ее консолидации. Решить эту проблему представляется возможным через сравнение основных идей и концептов, изложенных в трудах основателя и главного идеолога «Баас» Мишеля Афляка, с идеями, пропагандируемыми на официальном сайте партии. Следует учесть, что М. Афляк не ориентировался на массовое членство в партии. Хотя у него и есть работы, явно предназначенные для широкого читателя или слушателя, большая часть все-таки предназначалась для узкого круга партийцев.

В литературе, посвященной изучению Ближнего Востока, сложился устойчивый стереотип, что при «Баас» политические режимы Сирии и Ирака можно было охарактеризовать как, соответственно, «власть алавитов» и «власть суннитов из клана ат-Тикрити» (Van Dam, 1980: 42). Нельзя отрицать, что эти группы представлены (в Ираке были представлены) во властных структурах обеих стран гораздо шире, чем этого можно было ожидать, исходя из их доли в населении. Однако исследователи справедливо указывают, что в обоих случаях мы имеем дело не с суннитской или алавитской идеологией (то есть правящая группа не стремится навязать обществу идеи, характерные для ее конфессии, или каким-то образом принизить учение других религиозных направлений), а с баасистской, умело использованной в Ираке для оправдания господства суннитского меньшинства, а в Сирии – алавитского (Van Dam, 1980: 49). Это господство не является абсолютным: в обоих государствах в состав политической элиты входили представители других этносов и конфессий (Van Dam, 1980: 46–47, 53). В русскоязычной литературе практически нет работ, посвященных изучению сирийской элиты. Хотя и признается, что основу политической власти в Сирии составляют «сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, построенных на межличностных взаимных обязательствах» (Ахмедов,

2000: 22), как правило, изучение элит подменяется анализом власти семьи Асадов (Ахмедов, 2000; Ахмедов, 2003). Безусловно, это оправданно, когда изучаешь механизмы усиления единства элиты, однако одновременно это означает почти полное игнорирование механизмов сужения ее дифференцированности.

В этническом и конфессиональном отношении население Сирии крайне разнородно. В исследованиях выделяется от 5 (Van Dam, 1973: 202) до 18 религиозных групп (Hourani, 1946: 386) и ряд этнических, крупнейшие из которых – арабы и курды. Следует помнить, что «арабы» – это весьма условный этноним, так как большинство арабских националистов выделяет в качестве критерия только единый арабский язык. Однако единый арабский язык в реальности существует только в виде литературного языка аль-фусха, обслуживающего исключительно сферу общественной жизни. Все другие критерии, традиционно выделяемые для характеристики единого этноса – территория, общая история, культура, происхождение, самосознание, – лишь отчасти применимы к арабам и во многом носят политико-декларативный характер.

Суннитский ислам является доминирующей религией в Сирии (Сирийская Арабская Республика...: 30). Кроме того, представлены различные направления шиизма и христианства, а также иудаизм. В исламе выработаны принципы взаимоотношения мусульманских властей с населением, относящимся к ахль аль-китаб (людям Писания), то есть исповедующим монотеизм. Схематично это выглядит следующим образом. Ключевым моментом должно стать заключение договора о защите, после которого люди Писания переходят в категорию зимми и платят подушный налог – джизью. Как правило, в этих общинах сохраняется самоуправление, однако запрещена военная служба и занятие государственных должностей. Существует отдельное судопроизводство для мусульман и для общин зимми. Мусульмане в обмен берут на себя обязанность защищать зимми. В целом исламская юридическая традиция очень детально разработала механизм взаимоотношения мусульман с немусульманами при безусловном превосходстве суннитского ислама (Friedmann, 2003: 13–53). Базовой единицей такой системы выступала «milla(t)» – религиозная община.

В Османской империи, куда входила и Сирия, традиционная для ислама система отношений между религиозными группами начала изменяться после издания султаном Абдул-Меджидом в 1839 г. Гюльханейского Хатт-и Шарифа. Этот документ провозглашал начало целой серии реформ, которые распространялись на всех подданных империи, независимо от их вероисповедания (Hatt-i Sharif...). Следующим ключевым документом в разрушении системы «milla(t)» следует считать Хатт-и Хумаюн, провозглашенный 18 февраля 1856 г. Данный эдикт объявлял для всех подданных султана, какую бы веру они ни исповедовали, равенство в образовании, назначении на государственные должности

и при отправлении правосудия (Hatt-i Hümayun...). Очень важно, что Хатт-и Хумаюн был принят не только как внутриосманский документ, но как часть международных обязательств империи, возложенных на нее после завершения Крымской войны. Статья IX Парижского мирного договора 1856 г., хоть и содержит оговорку о невмешательстве европейских государств в отношения между султаном и его подданными, имеет указание на Хатт-и Хумаюн (Парижский трактат...). Данный договор стал юридическим инструментом для вмешательства европейских держав в дела Турции.

Поводов для такого вмешательства было более чем достаточно. После принятия Гюльханейского эдикта противостояние между «milla(t)» неоднократно приводило к жестоким столкновениям между ними: в 1841, 1845, 1857, 1860 гг. (Hourani, 1946: 31–32). В 1850 г. в Халебе мусульмане устроили христианские погромы, а вражду между мусульманами, христианами и иудеями активно использовали западные дипломаты (Harel, 1998: 89). В 1895 г. была устроена резня армян по всей Малой Азии. Любая попытка уравнять социально-правовой статус различных «milla(t)» в отсутствие новой идеологии приводила к обострению вражды (Harel, 1998: 88). Во время Первой мировой войны обострились отношения как между мусульманами и христианами (Османская империя воевала против христианских государств, рассматривавших христианское население как своеобразную «пятую колонну»), так и между турками и арабами (политика пантюркизма, проводимая младоосманами, Великое арабское восстание 1916 г.).

Таким образом, попытка внедрить европейские стандарты и правила разрушили (или значительно ослабили) сложившуюся еще со времен арабских завоеваний систему отношений между различными этническими, конфессиональными и, отчасти, социальными группами в странах, где доминировал ислам. Новая система, основанная на равенстве всех, приводила к дестабилизации политической ситуации и постоянно грозила перерасти в междоусобицы.

При французском мандате административные и военные посты занимали, как правило, представители конфессиональных (христиане, алавиты) и этнических меньшинств (курды, черкесы), в то время как основные богатства были сосредоточены в руках арабов-суннитов, представлявших два противоборствующих центра: Дамаск и Халеб. В частности, *Troupes Spéciales du Levant*, впоследствии преобразованные в сирийскую армию, практически полностью были укомплектованы алавитами, друзами, исмаилитами, христианами, курдами и черкесами (Van Dam, 1980: 51). Складывавшаяся новая система отношений, только формально основанная на всеобщем равенстве, а де-факто усиливавшая позиции меньшинств, ранее находившихся в подчиненном положении, могла опираться только на внешнюю поддержку.

После окончательного получения Сирией независимости политическим крылом дамасских кругов стала

Национальная партия, халебских – Народная партия, а политическая власть перешла в руки арабов-суннитов. Статистические данные показывают, что мусульмане-сунниты, выходцы из Дамаска и Халеба, занимали ведущее положение при формировании сирийских кабинетов министров с 1942 до марта 1963 г. (31–75-й кабинеты) при очевидном доминировании Дамаска (Van Dam, 1978: 202). Алавиты, друзы, черкесы, курды и христиане, позиции которых были усилены при мандате, были отодвинуты на второй план.

Приход к власти арабов-суннитов, раздираемых внутренними противоречиями, означал возврат к высокой дифференцированности элиты. Никакой объединяющей идеологии, способной компенсировать этот дестабилизирующий фактор, предложено не было. Значительной популярностью пользовалась идея единой арабской нации. Однако до прихода к власти «Баас» эта идея, по-видимому, предназначалась исключительно для внешнего применения и служила идеологической аргументацией для политического союза с той или иной арабской страной. Более того, такой союз превратился в предмет своеобразного политического торга. В частности, с 1949 по 1951 г. Сирия трижды меняла свои приоритеты в арабской интеграции (Amāmī, 1997: 27–33). Различные политические силы выступали за разные векторы сближения. Кроме того, следует учитывать, что популярная среди населения идея федерации Плодородного полумесяца (союз с Хашимитами) фактически была блокирована из-за позиции великих держав. Все это, безусловно, никак не способствовало усилению консолидирующего потенциала арабского национализма. Но самое главное состояло в том, что лозунг единства так и не был воплощен на практике в самой Сирии, о чем красноречиво свидетельствуют вышеприведенные данные о составе кабинетов министров. Правящая суннитская арабская дамасская группировка не рассматривала меньшинства как равноправных партнеров.

В этом отношении позиция образованной в 1947 г. Партии арабского возрождения (будущей «Баас») была кардинально другой. Основной целью лидеры партии М. Афляк (христианин) и Салах ад-Дин Байтар (мусульманин-суннит) видели интеграцию Сирии. Панарабистская риторика была традиционно очень сильной, но предназначалась для широкой публики. На деле же партия пыталась объединить различные группы сирийского населения (Landis, 1998: 393).

Основным инструментом нейтрализации религиозной разобщенности сирийского общества в идеологии «Баас» стало понятие урубы – арабизма, под которым подразумеваются присущие всем арабам качества (Филипов, 2008: 159). Арабские националисты активно подчеркивают, что ислам – это своего рода высшее развитие урубы, огромное цивилизационное достижение всего арабского народа (Филипов, 2008: 159). Межконфессиональная напряженность, по их мнению, была инспирирована деятельностью колонизаторов, стре-

мившихся расколоть арабское общество. Использование ислама в политических целях принижает его всеобъемлющие ценности, раскалывает единство народа и арабской уммы. Сама же мусульманская религия представляется как явление одного порядка с урубой, национализмом, прогрессом.

Статья 3, а в некоторых отношениях и Статья 7 Конституции Сирии закрепляют особую роль ислама в стране (Конституция Сирии...: 288). Следует отметить полное отсутствие каких-либо упоминаний об исламе в Уставе партии, принятом при ее основании в 1947 г. (Dustūr Hizb...). Таким образом, идеология «Баас», расчищая путь немусульманам и представителям неортодоксальных направлений в исламе путь в элиту, оставляет двери открытыми и для мусульман-суннитов. Однако любые попытки использования ислама как орудия политической борьбы жестко наказываются, будучи представленными как заговор внешних сил. Такой политикой баасистское руководство снискало себе ненависть среди исламистов всего мира. В частности, глава организации «Аль-Каида» Усама бин Ладен в одной из своих фетв охарактеризовал сирийский режим как «неверный» (Delong-Bas, 2004: 272).

Механизм конфессиональной консолидации сирийской элиты во многом схож с механизмом ее этнической консолидации. Идеология арабского национализма апеллирует к общей генеалогии всех арабов и системе патронажно-клиентских отношений, доминировавших в начале арабских завоеваний и при халифате Омейядов (Филиппов, 2008: 158). В свете этих идей все сирийские этнические группы представляются как общность единого кровного происхождения, скрепленная общей культурной основой – урубой. Одним из следствий этого стало то, что данные по этническому составу Сирии официальными властями не публикуются. Точно так же отрицается, что конфессиональная принадлежность может иметь значимое влияние на жизнь страны (Van Dam, 1980: 52). Религиозная принадлежность должностных лиц, как правило, также замалчивается (Van Dam, 1980: 53). Устав партии прямо гласит, что «*арабская нация представляет собой культурное единство, любые же отличия между ее представителями несущественны, носят искусственный характер и полностью исчезают при пробуждении арабского духа*» (Dustūr Hizb...). Понятие «араб» определяется в статье 10 Устава и трактуется исключительно широко: «*араб – это тот, чей язык арабский, кто проживает на арабской земле или стремится к этому, а также причисляет себя к арабской нации*» (Enan. 1997: 114).

Создаваемую в идеологии «Баас» арабскую нацию (к которой, по мнению М. Афляка, относятся даже курды, берберы и армяне) в некоторых отношениях можно назвать искусственной общностью. Она не укладывается в разработанные в арабо-исламской традиции принципы идентификации ни как исламская умма, ни как асабийная группа. Асабийа – это сила и влияние племени

или рода, основанные на ощущении собственного единства и охватывающие, с точки зрения разработчика этой теории средневекового арабского ученого Ибн Халдуна, четыре – шесть поколений (Enan, 1997: 114).

Рассмотрев всё вышесказанное, можно выделить следующие черты арабской нации, в рамках которой нивелируются этноконфессиональные различия между представителями правящей элиты.

1. Несмотря на постулируемую всеобщность, в реальности эта категория распространяется на узкий круг лиц, так или иначе относящихся к элите. В идеологии «Баас» это так называемое новое арабское поколение. Партия провозглашает принцип постепенного «просветления» широких народных масс и их консолидации в единую общность. М. Афляк говорит об этом так: «*Когда борец-баасист приспосабливается к толпам народа и ведет себя с ними правильно, не раня их чувств, чтобы постепенно привести к необходимому уровню сознательности, он должен помнить, что он – революционер(саир)-освободитель, не приемлющий ни для себя, ни для своей уммы дешевого реакционного уровня идеологии, как и искаженной картины духовной доктрины (акида). Его соответствие народу – это всего лишь временное средство, чтобы его подготовить, ведь борец-баасист понимает тяжелое положение масс*» (Aflaq: 129). Идеологической основой для выделения избранной группы стала концепция власти меньшинства. Эта концепция прослеживается даже на языковом уровне. В сочинениях М. Афляка политика партии определяется как революция-inqilāb, что означает власть меньшинства (Филиппов, 2009: 126). В публичных же документах говорится о революции-thawra(t), что предусматривает участие всего народа (Филиппов, 2009: 132–133).

2. Принципиальное превосходство принадлежности к идеологически постулируемой общности (арабской нации) над всеми другими способами групповой идентификации превращает ее в открытую структуру, куда теоретически может попасть каждый. Накладываемые ограничения (принадлежность к «арабской нации») носят достаточно размытый характер. Таким образом, идеологически возможность расширения политической элиты ничем не ограничена. Проявления национальной, религиозной, территориальной и других форм солидарности жестко пресекаются. Так, когда в 1966 г. алавит, один из лидеров «Баас» и организаторов революции 8 марта 1963 г., министр обороны генерал Мухаммад Умран отказался дать согласие на назначение командующим батальона, личный состав которого на 70% состоял из алавитов, офицера-суннита, руководство партии потребовало незамедлительной отставки М. Умрана (Van Dam, 1980: 53). Последний был отправлен в изгнание, а впоследствии и убит, предположительно сирийским агентом. Конечно, отстранение М. Умрана – это эпизод сложной внутрипартийной борьбы за власть. Но характерно формальное основание – попытка М. Умрана поставить конфессиональные связи выше арабской нации.

3. Единственное реальное ограничение носит политический характер. Арабскую нацию очень сложно отделить от государственных структур. Собственно, и состояться арабская нация может только в их рамках – в едином арабском государстве. Обязательно наличие общей идеологии и общей цели, достижение которой на текущем этапе невозможно. По существу, арабская нация находится в непрерывном процессе своего формирования, который окончательно завершиться не может.

4. Формирование общей идеологии, мировоззрения и стратегической цели осуществляется через специальную систему рекрутирования и подготовки будущей элиты: партийные структуры, специальные партийные учебные заведения. Такая система обеспечивает консолидацию разнородной элиты, формирование у нее единых принципов и правил поведения, чувства общности.

5. В основе арабской нации все-таки лежат объективные для сирийского общества основания: общая историческая традиция, общее культурное пространство, не являющееся точной копией культурного пространства и наследия конкретного этноса, но и не представляющее собой полностью продукт идеологии. В частности, активно пропагандируются идеи величия арабов в прошлом, упор делается на кровнородственные связи (пусть и полулегендарного характера), в общественной жизни используется литературный арабский язык аль-фусха, официальная идеология оперирует концептами, имеющими мощную историческую традицию.

Казалось бы, такая идеология устраивала все группы сирийского общества, особенно меньшинства, представители которых стали наиболее активными партийцами. Однако даже после своего прихода к власти партия не смогла выработать действенного механизма решения противоречий в собственных рядах: не был сформирован интерактивный компонент. Его отсутствие пытались компенсировать усилением идеологической составляющей. Показательно, что различные группировки внутри партии не представляли своих собственных идеологических проектов (Van Dam, 1973: 11–17). По существу, речь даже шла не о тактике, а о действующих лицах и их способности наладить внутриполитический диалог. Более того, даже когда основатель и генеральный секретарь «Баас» М. Афляк в 1966 г. потерпел поражение во внутрипартийной борьбе и был вынужден покинуть страну, разработанная им идеология сохранилась в Сирии почти в неизменном виде.

Единство элиты было усилено при президенте Х. Асаде, умевшем тонко балансировать между интересами различных групп. Во время его правления основу политической власти в Сирии составляли «сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, построенных на межличностных взаимных обязательствах» (Ахмедов, 2000: 22). Наряду с официальной системой власти, представленной официальными государственными институтами, в Сирии сложилась система управления, основанная на сбалансирован-

ности интересов различных кланов и группировок, в той или иной степени приближенных к президенту Х. Асаду (1970–2000). В настоящее время, по-видимому, продолжается переформатирование этой системы по отношению к новому главе государства – Б. Асаду (с 2000 г.).

Политический режим современной Сирии представляется официальными властями как демократический. Демократия определяется как «рамки, которые позволяют народу выполнять его роль в определении своих дел, в выборе своих представителей в демократические учреждения и в эффективном участии в развитии своей родины, в контроле над властью». Однако одновременно постулируется наличие различных пониманий и практик демократии в зависимости от конкретной страны.

По мнению нынешнего сирийского руководства, демократические тенденции в стране достигли своего пика после учреждения Прогрессивного национального фронта (ПНФ). Фронт был создан в 1972 г., и помимо «Баас» в него вошли Сирийская коммунистическая партия (две отдельные фракции), Движение социалистов-юнионистов, Арабский социалистический союз и Арабская социалистическая партия. В настоящее время число участников Фронта расширено до 10 партий и движений (11 с учетом двух коммунистических фракций). Однако юридически ведущая роль во Фронте закреплена за «Баас». Легально действовать в Сирии могут только партии, входящие в ПНФ (Ахмедов, 2003: 62).

Таким образом, в рамках сирийской политической системы создан эффективный механизм политического оформления интересов разных этнических, конфессиональных или региональных групп и их представления в системе власти. Идеологическим оформлением такой кооперации по-прежнему остается идея власти «нового арабского поколения» (ведущая роль «Баас»), революции-inqilāb и арабского национализма, четко указывающая представителям элиты их место в системе власти и санкционированные способы карьерного роста. Для внешнего пользования все эти концепты отодвигаются на задний план, будучи замененными идеологическим штампом «демократии». Характерно, что этот концепт вообще не рассматривался в работах основателя и идеолога партии М. Афляка, а его упоминание в них носит редкий и эпизодический характер.

В идеологии «Баас» арабский национализм неотделим от арабского социализма. Официальные документы партии представляют последний как «*необходимость, вытекающую из чистого арабского национализма, идеальный общественный строй, который позволит арабскому народу претворить в жизнь его потенциал, в наибольшей степени раскрыть его гениальность и гарантирует арабской нации непрерывное духовное и материальное развитие и тесное братство между отдельными ее представителями*». Однако внимательное знакомство как с трудами М. Афляка, так и с реальной практикой социалистического строительства в Сирии позволяет сделать

вывод, что социализм – это не более чем эффективный инструмент перераспределения богатств между крупными частными собственниками (суннитскими торговыми кругами Дамаска и Халеба) и госсектором (контролируемым в настоящее время преимущественно алавитами). Крупное производство перешло в государственную собственность, установлен государственный контроль над внутренней и внешней торговлей, ограничена земельная собственность (Филоник, 1995: 135). Исследователи справедливо указывают, что эти мероприятия способствовали усилению бюрократии, преданной правящему режиму (Филоник, 1995: 139). В первую очередь это ударяло по отстраненным от власти богатым суннитским кругам. Дело в том, что религиозные и этнические меньшинства, чье политическое значение усилилось во время мандата, за исключением христиан, компактно проживали в бедных сельскохозяйственных районах Сирии (Van Dam, 1980: 51). Этноконфессиональные противоречия усугублялись еще и социально-экономическими (Van Dam, 1980: 55). Проигрывая суннитам в экономическом плане, меньшинства (в том числе и алавиты) опасались, что если рыночный характер экономики получит дальнейшее развитие, то суннитские предпринимательские круги будут доминировать на политической арене Сирии, как это и произошло сразу же после получения страной независимости (Ахмедов, 2003: 23–24).

Очень важно, что политика «Баас» не полностью подавила частное предпринимательство, а оставила ему достаточно широкое поле деятельности (Филоник, 1995: 141). Суннитские предприниматели получили возможность и дальше вести и развивать свой бизнес, но уже под контролем государства или даже в рамках его структур. Лояльные режиму предприниматели интегрировались в него, нелояльные же потеряли свои богатства, контроль над которыми перешел к новой элите, что в долгосрочной перспективе создало противовес суннитскому доминированию в экономической сфере со стороны ранее угнетенных в социально-экономическом плане меньшинств. Госбюрократия превратилась в патрона предпринимательской деятельности (Филоник, 1995: 144). Естественно, это касается только лиц, угодных власти. Ярким примером взаимной заинтересованности могли служить крупные суннитские бизнесмены Усман Аль-Аиди и Абдаллах Рахман Аль-Аттар. Однако когда в 1996–1997 гг. в ходе инициированных Х. Асадом кадровых перестановок в экономическом блоке правительства деловые интересы этих бизнесменов оказались нарушены и они выступили фактически против линии президента, всё их имущество в Сирии было тут же арестовано, а им самим пришлось некоторое время скрываться за границей (Ахмедов, 2003: 24).

Известный российский специалист по современной Сирии В.А. Ахмедов прямо говорит, что одним из основных принципов устойчивости алавитской власти стал союз алавитских кругов с рядом крупных суннитских представителей торгово-фи-

нансовых элит (Ахмедов, 2003: 23). В течение определенного времени сирийское правительство вынуждено было мириться с меньшей, по сравнению с частным, эффективностью государственного сектора (Филоник, 1995: 145). Однако по мере выравнивания экономического могущества старой и новой элит, последняя из которых тесно связана с политической, в том числе и клановыми узами, наблюдается определенная либерализация экономической жизни Сирии. Доступ политической элиты к материальным благам – один из важнейших элементов усиления ее сплоченности (Way, 2006: 396), а идеология арабского социализма стала эффективным инструментом удовлетворения аппетитов новой элиты, установления контроля над старой и выравнивания экономического дисбаланса между ними под лозунгами социальной справедливости и с опорой на исламские идеалы.

Арабский национализм выступает прежде всего как арабское единство и арабский социализм – две взаимосвязанные цели стратегического развития Сирии (в соответствии с баасистской идеологией). Очевидно, что ни та, ни другая реально не достижимы. Выше уже отмечено, что такая принципиальная недостижимость – характерная черта объединяющей элиту идеологии. Она служит дополнительным средством ее консолидации. Невыполнимость поставленных задач в течение длительного (вообще – любого) периода времени объясняется наличием серьезной угрозы – как правило, внешней. Это создает напряженность в обществе, позволяя государственным структурам лучше контролировать элиту и создавать у нее ощущение уязвимости перед возможной сменой государственного строя. В частности, в Сирии, как и во многих других развивающихся странах, распространена антиимпериалистическая риторика, склонность обвинять в бедах страны колонизаторов и неоколониалистов. Конфликт с Израилем и оккупация части сирийской территории служат удобным катализатором подобной риторики. Несмотря на возможность и попытки сирийско-израильского диалога, воинственный пыл внутри страны будет сохраняться. Постоянное нагнетание угрозы, страх перед крушением режима усиливает партийную дисциплину, консолидирует разнородную элиту, укрепляет чувство общности. В условиях Сирии это обстоятельство приобретает особое значение, так как большая часть руководства армии и спецслужб вместе участвовала в войнах с Израилем. Совместное боевое или революционное прошлое политологи считают важным фактором укрепления солидарности между членами элиты (Way, 2006: 397).

Способность Х. Асада значительно усилить сплоченность разнородной сирийской элиты способствовала некоторому ослаблению идеологической риторики. Однако когда президентом в 2000 г. стал Б. Асад, что потенциально несло определенную угрозу сформировавшейся неформальной системе власти, баасистская идеология пережила своего рода расцвет (Ахмедов, 2003, 72–73), во многом компенсировав первона-

чальное недоверие элиты к новому лидеру.

Выводы

В обществах, для которых характерна значительная разнородность, а значит, и высокая ступень дифференцированности элиты, ее единство может усиливаться как за счет идеологии, так и за счет постепенного формирования новых механизмов взаимодействия между элитными группами. Эти два вектора компенсируют и дополняют друг друга, что хорошо иллюстрируется современной историей Сирии. Предыдущие же механизмы консолидации были разрушены или значительно ослаблены в результате колониального господства.

Консолидирующая функция идеологии резко возрастает в условиях разнородного общества и устранения объективных (прежде всего экономических) оснований для выделения элиты. Когда количественный и качественный состав правящей элиты заметно не соответствует структуре общества, компенсирующую функцию начинает выполнять некая во многом искусственная общность (в случае Сирии – арабская нация), в которой основным объединительным элементом становится общая идеология.

Экономической основой такой политической элиты служит развитой государственный сектор, который становится как источником ее власти, так и эффективным средством контроля над членами элиты.

К основным элементам идеологии можно отнести: создание новой общности, стоящей выше любой другой; фактическое отрицание любых объективных отличий, существующих между различными группами в обществе; развитую идеологию власти меньшинства; апелляцию к общей культурно-исторической традиции, как правило, отдаленной во времени; наличие некой глобальной принципиально недостижимой цели; постоянное нагнетание в обществе чувства угрозы со стороны врага.

Литература

1. Ахмедов, В.М. *О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка (на примере Сирии)* / В.М. Ахмедов // Политическая элита Ближнего Востока / В.М. Ахмедов. М. : ИИИиБВ, 2000. С. 18–25.
2. Ахмедов, В.М. *Сирия на рубеже столетий. Власть и политика* / В.М. Ахмедов. М. : ИВРАН, 2003.
3. Ашин, Г.К. *Элитология* / Г.К. Ашин. М. : МГИМО, 2005.
4. Буренина, В.Б. *Политические элиты Кении и Танзании: структура и механизм власти* / В.Б. Буренина. М. : Ин-т Африки РАН, 1993.
5. *Конституция Сирии* // Государственный строй и конституции арабских республик / М.А. Сапронова. М.: Муравей, 2003. С. 284–312.
6. Лебон, Г. *Психология масс* / Г. Лебон. Минск : Харвест; М. : АСТ, 2000.

7. Миллс, Р. *Властвующая элита* / Р. Миллс. М. : Изд-во иностр. лит., 1959.
8. *Парижский трактат* [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.hrono.info/dokum/1800dok/1856paris.html. Дата доступа : 16.08.2009.
9. *Сирийская Арабская Республика* / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока ; редкол.: В.М. Ахмедов [и др.]. М. : ИИИиБВ, 1997.
10. Филиппов, А.А. *Идея революции в арабском национализме (на примере работ Мишеля Афляка)* / А.А. Филиппов // Палітычная сфера. 2009. № 12. С. 121–135.
11. Филиппов, А.А. *Концепция арабского национализма в идеологии М. Афляка* / А.А. Филиппов // Проблемы управления. 2008. № 4 (29). С. 153–160.
12. Филоник, А.О. *Госсектор и бюрократия в Сирии* / А.О. Филоник // Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. Вып. 2. М. : ИВРАН, 1995.
13. Чешков, М.А. *Критика представлений о правящих группах развивающихся стран* / М.А. Чешков. М. : Наука, 1979.
14. Aflaq, M. *Fī sabīl al-ba'th. Al-Juz' al-awwal* / M. 'Aflaq [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://albaath.online.fr/. Дата доступа : 16.08.2008.
15. Amāmī, M.A. *Siyāsat wa Hokūmat dar Suriyye* / M.A. Amāmī. Tehrān : Moasasse Chap wa Enteshārāt-e Wezārat-e Omūr-e Khārijī, 1376 (1997).
16. Daloz, J.-P. *Elite Distinction: Grand Theory and Comparative Perspectives* / J.-P. Daloz // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6, № 1–2 : Special Issue. Elites. New Comparative Perspectives. Leiden; Brill, 2007. P. 27–74.
17. Van Dam, N. *Middle Eastern political clichés: "Takriti" and "Sunni rule" in Iraq; "Alawi rule" in Syria. A critical appraisal* / N. van Dam // Orient. 1980. № 1. P. 42–57.
18. Van Dam N. *Sectarian and Regional Factionalism in the Syrian Political Elite* / N. van Dam // The Middle East Journal. 1978. Vol. 32, № 2. P. 201–210.
19. Van Dam N. *The struggle for power in Syria and the Ba'th Party (1958–1966)* / N. van Dam // Orient. 1973. № 1. P. 10–20.
20. DeLong-Bas, N.J. *Wahhabi Islam. From Revival and Reform to Global Jihad* / N.J. DeLong-Bas. Oxford : Oxford University Press, 2004.
21. *Dustūr Hizb al-Ba'th al-'Arabī al-Ishtirākī* [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://baath-party.org. Дата доступа : 10.09.2007.
22. *Elites After State Socialism. Theories and Analysis* / ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham; Maryland : Rowman & Little field Publishers, Inc., 2000.
23. Enan, M.A. *Ibn Khaldun. His Life and Works* / M.A. Enan. New Delhi : Kitabbhavan, 1997.
24. Friedmann, Y. *Tolerance and Coercion in Islam. Interfaith Relations in the Muslim Tradition* / Y. Friedmann. New York : Cambridge University Press, 2003.
25. Harel, Y. *Jewish-Christian Relations in Aleppo as Background for the Jewish Response to the Events of October 1850* / Y. Harel // International Journal of Middle East Studies. 1998. Vol. 30. P. 77–96.
26. Hatt-i Hümayun [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.wikipedia.org. Дата доступа : 16.08.2009.
27. Hatt-i Sharif of Gülhane [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.wikipedia.org. Дата доступа : 16.08.2009.
28. Higley, J., Pakulski J. *Elite and Leadership Challenge in Liberal Democracies* / J. Higley, J. Pakulski // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6, № 1–2. Special Issue. Elites. New Comparative Perspectives. Leiden, Brill, 2007.

29. Hourani, A.H. *Syria and Lebanon. A Political Essay* / A.H. Hourani. Oxford : Oxford University Press, 1946.
30. Landis, J. *Shishakli and the Druzes: Integration and Intransigence* / J. Landis // The Syrian Land: Processes of Integration and Fragmentation. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1998. P. 369–396.
31. *The Philosophic Roots of Modern Ideology. Liberalism, Communism, Fascism, Islamism*. 3-d ed. / ed. by D.E. Ingersoll [et. al.]. Upper Saddle River, New Jersey : Prentice-Hall Inc., 2001.
32. Way, L.A. *The dynamics of autocratic coercion after Cold War* / L.A. Way, S. Levitsky // Communist and Post-Communist Studies. 2006. № 39. P. 387–410.